

П.В. Шлыков©

P.V. Shlykov

**Турецко-американские отношения
в зеркале ближневосточного
и евро-атлантического измерений¹**

**Turkish-American relations in the mirror of Middle Eastern
and Euro-Atlantic dimensions**

DOI: 10.31249/ape/2019.01.09

Аннотация. В середине 2010-х годов турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю их развития. За очевидными проблемными зонами и сферами расхождения интересов лежат структурные факторы вкупе с различиями в глобальных и региональных приоритетах двух стран и их политических элит. Генезис и развитие текущего кризиса турецко-американских отношений рассматриваются в статье в трех взаимосвязанных аспектах – как провал идеи «турецкой модели», как эрозия блоковой солидарности в рамках треугольника Турция – США – НАТО и, наконец, как дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

Abstract. By the late 2010 s Turkish-American relations have reached their lowest point in history. The set of problems in bilateral relations and discord of primary interests are determined by institutional factors, fundamental differences in approaches towards global and regional order among the political leadership of both countries. The paper analyses the current crisis of Turkish-American relations in three interrelated dimensions: as a decline of the «Turkish model», as an

¹ Работа выполнена при поддержке гранта РФФ «Проблемы и перспективы международно-политической трансформации Ближнего Востока в условиях региональных и глобальных угроз», проект № 17-18-01614.

erosion of the institutional solidarity within the triangle of Turkey – USA – NATO, and as strategic divergence in perceptions of regional and international security threats.

Ключевые слова: Турция, США, НАТО, Ближний Восток, «турецкая модель», международная безопасность.

Keywords: Turkey, USA, NATO, Middle East, «Turkish model», international security.

С середины прошлого века Турция являла собой пример одного из главных и последовательных союзников США. В годы холодной войны она выступала форпостом Запада на границах с Советским Союзом. В 1990-е годы выполняла ключевую роль в сдерживании Ирака и Ирана, помогала Вашингтону в реализации его политики на Балканах и построении энергетического коридора «Восток–Запад». В начале 2000-х годов Турция – участник международной коалиции во главе с США и партнер в афганском урегулировании. Причем и в 1990-е, и в 2000-е годы Турция – это еще и «витрина» западной демократии в регионе, модель быстроразвивающейся страны, успешно сочетающей демократию, рыночную экономику и ислам. Все это делало определение турецко-американских отношений в категориях стратегического партнерства не просто фигурой речи, а отражением их реального содержания на протяжении более чем семи десятилетий – вопреки маятниковой динамике этого сотрудничества, пережившего несколько региональных конфликтов, изменения международной политической и экономической конъюнктуры.

Давний член НАТО (1952) и Совета Европы (1949), ОЭСР (1961) и ОБСЕ (1975), Турция смогла столь глубоко интегрироваться в политэкономическое пространство Запада, что стала восприниматься как страна, по сути, представляющая Запад на Ближнем Востоке и являющаяся примером того, как его политико-цивилизационные ценности могли бы быть инкорпорированы в развитие стран с мусульманским населением. В 2009 г. воодушевленный успехами экономического развития и реформ по демократизации в Турции президент США Барак Обама назвал отношения между двумя странами «эталонным сотрудничеством» [Remarks., 2009]. Это был первый зарубежный визит нового аме-

риканского президента, и символичным было то, что он выбрал для этого именно Турцию. В 2012 г. Обама назвал Реджепа Эрдогана одним из пяти мировых лидеров, которым он полностью доверяет [Zakaria, 2012]. Спустя несколько лет в беседе с журналистом Джефффри Голдбергом Обама удостоил турецкого лидера совсем другими эпитетами – «неудачник и автократ» [Goldberg, 2016]. Уже в 2013 г. коллапс внутривосточных реформ, ярким проявлением которого стали массовые протесты по всей Турции, обострившиеся расхождения в подходах к сирийскому кризису и множество других внезапно обнажившихся противоречий обозначили начало деградации турецко-американских отношений, резко ускорившейся после путча 2016 г. и всплеска антиамериканских и антизападных настроений. Как показали данные социологического исследования, проведенного аналитическим центром «Пью Ресёрч» в конце 2017 г., Турция стала единственной страной, где по результатам опроса на первом месте в ряду глобальных угроз оказался не международный терроризм или миграционные потоки, а политика США (ее отметило более 72% респондентов) [Manevich, Chwe, 2017].

К 2018 г. турецко-американские отношения оказались на самом низком уровне за всю историю их развития. За очевидными проблемными зонами и сферами расхождения интересов – разные подходы к сирийскому урегулированию, тактический союз США и сирийских курдов, вопрос об экстрадиции Фетхуллага Гюлена¹ – лежат структурные факторы текущего кризиса вкупе с различиями в глобальных и региональных приоритетах двух стран и их по-

¹Прежде всего – разочарование Турции в политике США на сирийском направлении: Вашингтон оказался неспособен отстоять «красные линии» в борьбе против Башара Асада, что напрямую ударило по интересам Анкары, а главное – стал выстраивать тактический альянс с сирийскими курдами, деятельность которых в Анкаре воспринимают как угрозу национальной безопасности. Еще один катализатор нисходящей динамики отношений – авторитарные тенденции, набирающие обороты в Турции с 2013 г. Среди болезненных вопросов – желание властей США выдать Турции исламского проповедника Фетхуллага Гюлена (лидера международного миссионерского движения «Хизмет»), которого на родине обвиняют в организации не только путча 2016 г., но и коррупционного скандала 17–25 декабря 2013 г., а также протестов в парке Гези.

литических элит. Нереализованными оказались планы наращивания экономического сотрудничества – проект «турецко-американского партнерства» с созданием зоны свободной торговли [US-Turkey., 2012] и подключением Турции к Трансатлантическому торговому и инвестиционному партнерству [Kirişçi, Ekim, 2015]. Обидные эпитеты, которые представители политических элит стали использовать в СМИ, показали сужение каналов возможного диалога [Goldberg, 2016]. Растущее непонимание друг друга обнаружилось и в сфере безопасности. Представители американских и турецких спецслужб по-разному стали подходить к вопросам контроля за перемещением иностранных боевиков на территориях, занимаемых ИГИЛ, и в целом к методам борьбы с ИГИЛ в Сирии и Ираке. Так сотрудничество между США и Турцией из «стратегического» и «образцового» стало «дисфункциональным».

Генезис и развитие текущего кризиса турецко-американских отношений рассматривается в статье в трех взаимосвязанных аспектах: как провал идеи «турецкой модели» (Турции как страны, которая могла бы структурировать сначала постсоветское пространство, а затем регион Ближнего и Среднего Востока в русле, благоприятном для Запада), как эрозия блоковой солидарности в рамках треугольника Турция – США – НАТО и, наконец, как дивергенция в понимании проблем региональной и международной безопасности.

Генезис расхождения интересов США и Турции на Ближнем Востоке

В течение всей второй половины XX в. отношения Анкары и Вашингтона характеризовались маятниковой динамикой взаимодействия, балансирующего между сотрудничеством и конфронтацией. Изначально интерес США к Турции обуславливался стремлением противодействовать «советской угрозе» на турецком направлении, опасность которой и в Вашингтоне, и в Анкаре расценивали очень высоко. Это хорошо просматривалось в логике включения Турции в «Доктрину Трумэна» 1947 г., а после вступления Турции в НАТО в 1952 г. ее роль в евро-атлантической сис-

теме безопасности конкретизировалась. Впредь на Турцию возлагалась обязанность в случае необходимости задержать возможное продвижение советских войск в Западную Европу посредством блокирования Черноморских проливов и открытия «южного фронта» НАТО. При этом американские политики отмечали, что в рамках логики блокового противостояния ближневосточный фактор изначально составлял важную компоненту турецко-американских отношений.

Турция благодаря своему расположению между Советской Россией и странами Ближнего и Среднего Востока рассматривалась в США как инструмент купирования советского влияния в Восточном Средиземноморье и в зоне Персидского залива. Как показывают опубликованные архивные документы Госдепартамента США, американские и британские политики, обосновывая необходимость вступления Турции и Греции в НАТО, подчеркивали важность этих стран в поддержании регионального баланса сил: если Греция или Турция окажутся в орбите влияния Советской России, то безопасность всего региона Ближнего Востока будет поставлена под угрозу [Foreign relations..., 1978, p. 256]. Администрация США имела в виду не только абстрактную, но и конкретную роль Турции в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке, поскольку турецкие вооруженные силы, дислоцированные на стратегически важных рубежах, фактически были единственной сухопутной группировкой Альянса, способной к быстрому реагированию на ближневосточном направлении.

США рассчитывали на Турцию и в деле обучения военного персонала ближневосточных стран в рамках деятельности Объединенной американской военной миссии по оказанию помощи Турции (Joint American Military Mission for Aid to Turkey, JАММАТ), развернутой еще по «доктрине Трумэна», а также в вопросах организации поставок вооружения для стран региона [Foreign relations..., 1986, p. 202]. Примечательно, что уже тогда американские стратеги выдвигали идею использования особой культурно-исторической идентичности Турции, которая в случае присоединения страны к НАТО могла бы стать важным инструментом в налаживании более прочных связей с ближневосточными му-

сульманскими странами. Американским дипломатам даже ставилась задача подталкивать Турцию, с одной стороны, к роли проводника западных ценностей в их адаптированном к местным реалиям виде, с другой – к роли регионального лидера [Foreign relations., 1978, p. 260]. Даже участие Турции в программе переподготовки военнослужащих из стран региона рассматривалось в категориях культурной идентичности. В США полагали, что обучение военных на территории Турции с участием военных инструкторов из США окажется не только менее затратно с финансовой точки зрения, но также не создаст дополнительных политических рисков при возвращении прошедших переподготовку офицеров на родину [Foreign relations., 1986, p. 202]. Все это отчетливо показывает, что ближневосточная тематика с самого начала занимала важное место в турецко-американских отношениях.

В годы холодной войны ближневосточная политика США сводилась к решению нескольких взаимосвязанных задач. На первом месте стояло сдерживание СССР и обеспечение доступа Запада к ближневосточным нефтяным ресурсам (и в том числе гарантии их поставок по приемлемым ценам). Вторая группа задач была связана с ограничением влияния и контролем над распространением идей арабского социализма и национализма в регионе. В этом же ряду стояла и задача поддержки проекта государства Израиль.

Между тем активность Турции на Ближнем Востоке в 1950-е годы оказалась масштабнее, чем изначально рассчитывали США. Это стало очевидно во время сирийского кризиса 1957 г. По дипломатическим каналам Вашингтон попытался донести до турецкого премьера Аднана Мендереса мысль о необходимости умерить свои амбиции на региональном уровне [Mufti, 2009, p. 35]. США были озадачены тем, что, вместо того чтобы исполнять роль проводника интересов Запада и НАТО в регионе, Турция предпринимает шаги, фактически направленные на наращивание своего влияния на Ближнем Востоке. Президент США Дуайт Эйзенхауэр в частных беседах жаловался, что вместо «выполнения предписанной работы» в деле сдерживания СССР Турция стала вести себя

как региональная держава, преследующая свои (а не Альянса) интересы на Ближнем Востоке [Mufti, 2009, p. 35].

Таким образом, с одной стороны, ближневосточная тематика уже на начальном периоде сближения США и Турции преобладала в повестке двусторонних отношений, с другой – уже в середине 1950-х годов на пике холодной войны, когда казалось, что интересы Анкары и Вашингтона на региональном уровне совпадают, Турция демонстрировала стремление проводить собственную ближневосточную политику. Логика действий Анкары объяснялась геополитическими соображениями: находясь рядом с ключевыми региональными игроками на Ближнем и Среднем Востоке, Турция имела свои интересы в регионе, и необходимость их отстаивать не была снята с повестки дня со вступлением страны в НАТО. Все это заставляло Анкару балансировать между интересами США и НАТО, с одной стороны, и собственным видением региональной ситуации – с другой.

К концу 1960-х годов и особенно в 1970-е годы относительное равновесие в этом уравнении было нарушено, и Турция все с меньшим и меньшим энтузиазмом демонстрировала готовность быть проводником американской политики в регионе. Так, во время «шестидневной войны» 1967 г. и «войны Судного дня» 1973 г. Турция не дала США согласие на использование своих военных баз для оказания помощи Израилю. С этого времени Анкара последовательно демонстрировала Вашингтону желание проводить собственную ближневосточную политику, которая никоим образом не может быть составным элементом турецко-американского сотрудничества. Турецкое правительство настойчиво подчеркивало, что расположенные на территории Турции натовские и американские военные базы не могут быть задействованы в военных операциях в Персидском заливе или где-либо на Ближнем Востоке без специального разрешения Турции, особенно если речь идет об операциях, проводимых вне рамок НАТО.

Нежелание Турции выступать проводником западных интересов на Ближнем Востоке вызвало снижение интереса американского политического истеблишмента к этой стране, поскольку на западноевропейском направлении ее стратегическая важность бы-

ла незначительной, прежде всего в силу географического положения Турции на юго-восточной периферии Европы [Erickson, 2004, p. 26]. Все эти факторы вкупе с американским эмбарго на поставки оружия Турции после оккупации Кипра в 1974 г. привели к стагнации турецко-американских отношений в конце 1970-х годов.

В 1980-е годы США озаботились вопросом реанимирования отношений с Турцией, поскольку региональная конъюнктура значительно изменилась: ее составными элементами стали Исламская революция в Иране 1979 г. и установление там режима, стоящего на антиамериканских позициях (Вашингтон был обеспокоен перспективой укрепления в Иране советского влияния), йеменская война 1979 г., в которой фактическую победу одержали силы марксистского правительства Южного Йемена (это трактовалось как прямая угроза интересам США в Персидском заливе) [Peterson, 1986, p. 25], наконец, ввод советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. На фоне этих событий администрация США озаботилась поиском инструментов защиты своих интересов в регионе, важность которого для американской внешней политики не подвергалась сомнению. Ответом на изменившуюся ситуацию в регионе («советские войска в 300 милях от Индийского океана и близки к Ормузскому проливу, через который проходит большая часть мировой нефти») стала «доктрина Картера», провозгласившая «любые попытки внешних сил установить контроль над регионом Персидского залива» посягательствами на «жизненно важные интересы США», которые «будут отражены любыми необходимыми средствами, в том числе военной силой» [Foreign relations., 2014, p. 695], что привело к созданию сил быстрого реагирования. Администрация Рональда Рейгана, пришедшего к власти в 1981 г., продолжила политику наращивания военного присутствия США на Ближнем Востоке.

Провозглашенная Вашингтоном политика «стратегического консенсуса» предполагала расширение сотрудничества США не только с Турцией и Израилем, но также с Египтом, Иорданией, Оманом, Пакистаном и Саудовской Аравией против «общей советской угрозы» на Ближнем Востоке. Изменившаяся ситуация повысила ценность Турции в глазах США, которые вновь стали рас-

смагивать ее как ключевой форпост Запада в регионе: с территории Турции можно было осуществлять военные операции как в Персидском заливе, так и в Восточном Средиземноморье. Однако Анкара фактически отказалась от участия в развертывании сил быстрого реагирования, предпочтя иной формат – в марте 1980 г. между США и Турцией был заключен Договор о сотрудничестве в сфере обороны и экономики.

Государственный переворот в Турции 12 сентября 1980 г. и приход к власти военных во главе с генералом Кенаном Эвреном, ставшим новым президентом, лишь ускорил развитие турецко-американского сотрудничества в сфере обороны и безопасности. Обновленная стратегия НАТО, в которой особо подчеркивалась важность Ближнего Востока, вместе с новыми правилами проведения натовских операций (1982) – все это также повышало статус Турции как единственного члена Альянса в регионе. В подтверждение этому в 1980-е годы на территории Турции была построена новая военная база в городе Муш, а другой крупный военный объект – в Батмане – прошел комплексную модернизацию [Karasapan, 1989]. При этом Конгресс США стал вводить ограничения на поставки вооружений в Турцию (общий объем поставок за десять лет с 1984 по 1993 г. составил 6 млрд долл.) [Tirman, 1998, p. 62].

Окончание периода холодной войны поставило на повестку дня вопрос о новом содержании турецко-американских отношений, поскольку главная их составляющая – сдерживание «советской угрозы» – утратила свое значение. В Турции были серьезно обеспокоены перспективой того, что США пересмотрят свой подход к Турции как ключевому партнеру по обеспечению безопасности и продвижению американских интересов в регионе. Однако эти опасения оказались беспочвенными, поскольку изменившаяся международная конъюнктура отнюдь не девальвировала значение Турции для Вашингтона, а способствовала изменению характера сотрудничества.

В 1990-е годы Турция и США постарались выработать общие видение и подходы сразу по нескольким ключевым для Турции внешнеполитическим направлениям – на Балканах, в Черномор-

ско-Каспийском регионе и на Ближнем Востоке. Как писали американские политологи, «трансрегиональное положение» Турции в новых условиях оказалось крайне востребованным для США [Lesser, 2004, p. 84]. Тем не менее, хотя это положение, с одной стороны, снимало проблему примата ближневосточного направления турецко-американского сотрудничества, вызывавшего беспокойство и раздражение Анкары в годы холодной войны, с другой – оно обостряло существующие расхождения в подходах к региональным проблемам и создавало новые сферы расхождения интересов, что неизбежно отразилось на содержании и характере диалога между странами. Поддержание атмосферы стратегического партнерства потребовало поиска новых компромиссов.

Регионализация двустороннего сотрудничества проявилась практически сразу с началом постбиполярного периода. Война в Персидском заливе (1990–1991) стала своего рода испытательным полигоном нового формата турецко-американских отношений. Вторжение Ирака в Кувейт и последующая операция международной коалиции во главе с США в рамках мандата ООН повысили ценность партнерских отношений с Турцией. Хотя формально Турция не вошла в состав коалиции, она оказала существенную логистическую поддержку операции, сконцентрировала многочисленную военную группировку на границе с Ираком, что вынуждало правительство Саддама Хусейна держать часть своих войск на севере, и перекрыла нефтепровод Киркук–Юмурталык – важный экспортный коридор для иракской нефти. На фоне этих событий 17 января 1991 г. турецкий парламент санкционировал участие турецких вооруженных сил в войне против Ирака, а также использование союзниками турецких военных баз.

Другим новым элементом турецко-американских отношений в 1990-е годы стало наращивание многоаспектного сотрудничества между Турцией и Израилем. В 1996 г. Анкара и Тель-Авив подписали соглашения о военно-логистическом и военно-техническом сотрудничестве, по которым обе страны получили возможность использовать воздушное пространство друг друга в целях обеспечения безопасности, делиться разведывательными данными и осуществлять совместные военные учения. Для США,

по признанию официальных лиц Госдепартамента, налаживание военно-технического и военно-политического сотрудничества между Турцией и Израилем в 1990-е годы составляло одну из стратегических задач на ближневосточном направлении [Daily press., 1997]. В подтверждение этому США выступили соорганизаторами военно-морских учений Турции и Израиля в Средиземном море в 1998 и 1999 гг.

Для турецко-американских отношений на ближневосточном направлении оформились три ключевые сферы, в которых обе страны попытались синхронизировать свои подходы к региону: во-первых, сотрудничество на иракском треке, что было особенно ценно для Вашингтона, поскольку являлось неотъемлемой частью проекта переустройства Ближнего Востока с уходом из региона России; во-вторых, развитие потенциала Турции в деле сдерживания региональных амбиций Ирана; и наконец, участие Турции в поддержании баланса арабо-израильского противостояния.

Однако к середине 1990-х годов по всем этим направлениям турецко-американское сотрудничество начало давать трещины, демонстрируя все большие расхождения во взглядах и подходах к региональной геополитике в Анкаре и Вашингтоне. Позиция США по Ираку вызывала все больше вопросов у мировых лидеров, и на этом фоне Турция стала открыто показывать свое несогласие с политикой США и озабоченность развитием ситуации в регионе. Лукавство американской политики на Ближнем Востоке становилось все более очевидным для турецкого истеблишмента, что порождало атмосферу недоверия в двусторонних отношениях. Рост напряженности между Анкарой и Вашингтоном рельефно проявлялся во время парламентских дискуссий о продлении мандата на использование военных баз в рамках антииракских кампаний «Утешение» и «Северный дозор» (1991–1996). Откровенный цинизм американских политиков вызывал раздражение в Турции, но еще большее беспокойство вызывала негласная поддержка, которую США оказывали иракским курдам, нацелившимся на создание собственного государства на севере Ирака, что косвенным образом подстегивало обострение «курдского вопроса» в Турции. Обо всем этом говорили уже не только кулуарно и на трибунах

оппозиционных партий, публичная критика в адрес США звучала из уст высокопоставленных чиновников турецкого правительства [Altunışık, 2006, p. 185–190], которые обращали внимание на то, что с 1989 г. США даже свернули программы прямой военной помощи Турции [Sayarı, 2004, p. 91].

При этом Вашингтон давал понять, что не намерен идти на обострение отношений со своим ближневосточным союзником. Летом 1991 г. в качестве демонстрации своего особого расположения президент Джордж Буш посетил Турцию с официальным визитом (за 30 лет это был первый официальный визит американского лидера в страну). В конце 1990-х годов уже Билл Клинтон, находясь с визитом в Анкаре, в речи перед депутатами турецкого парламента назвал отношения между двумя странами «стратегическим партнерством», важность которого с окончанием холодной войны только возросла [Clinton, 1999].

Действительно, для США в 1990-е годы ценность геостратегического положения Турции была очевидной. Турция предоставляла стратегически выгодный доступ к региону, из которого исходили основные угрозы американскому мировому доминированию, а расположенные на ее территории военные базы оказались чрезвычайно востребованы для осуществления экспансии на Ближний Восток.

В этом и заключался парадокс турецко-американских отношений – факторы и обстоятельства, сближавшие две страны, одновременно становились причиной разлада между «стратегическими партнерами». США и Турция все в большей степени рассматривали регион с разных точек зрения. Для реализации своих целей по сдерживанию, а потом и свержению режима Саддама Хусейна США начали активно использовать иракских курдов, фактически предоставив им все возможности для построения своей автономии на севере Ирака. Турецкие власти однозначно воспринимали «иракскую политику» Вашингтона как курс, направленный на ущемление экономических, политических и военно-стратегических интересов Турции. Охлаждению турецко-американских отношений косвенно способствовал и рост внутриполитической напряженности в Турции: оппозиционные полити-

ки активно продвигали дискуссию о «негласных целях американской дипломатии», что неизбежно приводило к росту антиамериканских настроений в общественном мнении Турции. И красивые слова о «стратегическом партнерстве», прозвучавшие в речи Билла Клинтона перед турецкими парламентариями в 1999 г., уже не могли повернуть вспять процесс деградации двусторонних отношений.

Крах «турецкой модели» и его значение для турецко-американских отношений

С окончанием холодной войны одновременно с поисками нового формата партнерства в обеспечении безопасности на Ближнем Востоке во взаимоотношениях Анкары и Вашингтона обозначилось еще одно важное направление, заслуживающее самостоятельного анализа, – идея «турецкой модели», или превращения Турции в страну, которая могла бы структурировать региональное пространство по периметру своих границ в благоприятном для Запада русле. Впервые идея Турции как «модели» появилась на страницах западных СМИ в конце 1991 г. применительно к развитию ситуации в постсоветских республиках Центральной Азии и Кавказа (см.: [Parlar Dal, Erşen, 2014, p. 264]). Уже в 1992 г. понятие «турецкой модели» прочно вошло в риторику лидеров стран Запада, которые видели в такой «модели» лекарство против влияния шиитского Ирана, и было с воодушевлением воспринято турецкими политиками, искавшими новые ориентиры для внешнего курса страны [Ozal, 1992].

В феврале 1992 г. госсекретарь США Джеймс Бейкер во время турне по странам Центральной Азии публично призывал лидеров постсоветских республик обратить внимание на Турцию (см.: [Greenberger, 1992]). Президент Джордж Буш приветствовал турецкого премьера Сулеймана Демиреля в Вашингтоне в феврале того же года словами: «Турция – друг и партнер Соединенных Штатов, а также модель развития для других стран региона, особенно новых независимых республик Центральной Азии... Турция – это островок стабильности, страна, которую многие считают примером достижений на ниве демократии и рыночной экономики»

[Bush, 1992]. Генеральный секретарь НАТО Манфред Вёрнер открыто заявлял, что демократическая светская Турция как модель социально-политического развития для постсоветских республик – залог безопасности и преграда на пути распространения исламского фундаментализма (см.: [Pore, 1992]).

В Анкаре охотно приняли идею «турецкой модели», а постсоветские независимые республики Центральной Азии и Кавказа выглядели естественным полигоном для испытания новой внешней политики. К тому времени Турция укрепила исторические, политические, религиозные, языковые и культурные связи с этими новыми государствами [Kut, 2002, p. 8–10], основная масса населения которых этнически и в языковом плане очень близка Турции. Немаловажным фактором турецкого «поворота на Восток» послужил и кризис в отношениях с Брюсселем (в 1989 г. заявка Анкары на вступление в ЕЭС была фактически заморожена).

После упомянутого визита в Вашингтон в 1992 г. Демирель стал главным адвокатом «турецкой модели», ввел это понятие во внутренний политический дискурс и активно продвигал тезис о том, что пример Турции – доказательство совместимости ислама, демократии, защиты прав человека и рыночной экономики [Demirel, 1997]. Преемница Демиреля на посту премьер-министра и лидера правящей партии Тансу Чиллер во время официального визита в Москву в 1993 г. отмечала, что «“турецкая модель” светской демократии и уважения исламских ценностей – лучший способ предотвратить распространение фундаментализма, ускорить экономическое развитие, укрепить социальную справедливость и расширить сферу распространения демократического плюрализма» (цит. по: [Batur, 1993]).

Турция стала первым государством, признавшим независимость постсоветских республик. Более того, она стремилась стать их основным политическим и экономическим партнером, мобилизовав все возможные средства – запустила масштабные инвестиционные проекты, предоставила возможность военным проходить стажировки в турецких военно-учебных центрах, начала выделять гранты и стипендии студентам, открыла специальное местное вещание турецких радио- и телеканалов, а являвшаяся на тот мо-

мент еще государственной компания «Турецкие авиалинии» запустила прямые рейсы из Стамбула в столицы центральноазиатских республик [Robins, 1993, p. 603; Aydın, 1996, p. 162].

Однако вскоре выяснилось, что Турции не хватает экономических ресурсов для реализации заявленных донорских проектов. Осознание этих ограничений наряду с нарастанием внутривнутриполитических проблем довольно быстро девальвировало привлекательность «турецкой модели». Обострение «курдского вопроса» и последовавшая за этим активизация вооруженного противостояния с боевиками Рабочей партии Курдистана (РПК) вызвали критику со стороны Запада и обвинения Турции в многочисленных нарушениях прав человека. В 1994 г. Турция оказалась в тисках жесточайшего финансового кризиса – самого тяжелого за всю новейшую историю страны. Все это охладило интерес лидеров центральноазиатских стран к «турецкой модели», замену которой некоторые из них искали в Китае [Pomfret, 2000]. Со своей стороны, Россия к середине 1990-х годов стала проявлять более пристальное внимание к странам «ближнего зарубежья», обозначив постсоветское пространство в качестве сферы своих приоритетных геополитических интересов.

Государственный переворот в Азербайджане летом 1993 г. и свержение протурецкого президента Абульфаза Эльчибея фактически прервал экспансию «турецкой модели» на постсоветском пространстве [Goltz, 1993]. Как писал тогда известный турецкий колумнист Гюн Кут, «уход Эльчибея – это конец “турецкой модели”» [Kut, 1993]. Анкаре не удалось объединить центральноазиатские республики в рамках политического и экономического союза. В условиях избранного этими государствами курса на укрепление связей с Москвой и расширение международных контактов с Западом и Китаем проект тюркского союза оказался бесплодным, о чем можно было судить по первым саммитам тюркских государств [Winrow, 1995, p. 16–31].

Стремительный закат «турецкой модели» с очевидностью показал Анкаре, что ее геополитических и финансово-экономических ресурсов недостаточно для исполнения глобальной роли, которую ей прочили США. Мировые СМИ чутко отреагировали

на перемены: на смену хвалебным одам «турецкой модели» пришла констатация несоразмерности амбиций и возможностей Турции. «Претендуя на статус региональной державы, Турция столкнулась с нехваткой ресурсов для осуществления этой цели», – поставило диагноз информационное агентство «The Associated Press», которое всего несколько лет назад первым ввело в оборот идею «турецкой модели» (цит. по: [Dunn, 1993, p. 46]). Интерес лидеров центральноазиатских республик к Турции как каналу налаживания связей с Западом начал спадать (к середине 1990-х годов для этого уже не требовалось турецкое посредничество), а на Западе осознали, что и «иранская угроза», и возможности Анкары ее купировать преувеличены. Тем не менее со счетов Турцию не списали – выступая в Анкаре в конце 1999 г. президент США Билл Клинтон охарактеризовал Турцию как страну «на перекрестке» Европы, Ближнего Востока и Центральной Азии и поддержал евроинтеграцию Турции как демократического светского исламского государства [Clinton, 1999]. Годом раньше высокопоставленный сотрудник Совета национальной безопасности США Энтони Блинкен, курировавший европейские дела, отметил большой потенциал Турции как «модели светского, исламского, демократического и вестернизированного государства... референтного примера для большей части исламского мира» (цит. по: [Bal, 1998, p. 184]).

Возрождению идеи «турецкой модели» в начале 2000-х годов способствовали два фактора – события 11 сентября 2001 г., после которых мировое сообщество заговорило об объединении против международного терроризма, и американское вторжение в Ирак (2003), расколовшее международную коалицию на союзников США и критиков политики Вашингтона. Как и в 1990-е годы, «турецкая модель» выдвигалась и продвигалась западными (прежде всего американскими) политиками, но теперь в центре внимания находился вопрос совместимости ислама и либеральной демократии, которую должна была демонстрировать Турция, а реципиентами «модели» должны были стать страны Ближнего и Среднего Востока, где разворачивалась «война с исламским фундаментализмом» и радикальными террористическими группировками [Ülgen, 2011, p. 4].

После 11 сентября 2001 г. выяснилось, что администрация Джорджа Буша-мл. намерена сделать Турцию неотъемлемой частью масштабного проекта демократизации исламского мира. Пол Вулфовиц, в то время заместитель министра обороны США, и Кондолиза Райс, тогда еще советник президента по национальной безопасности, открыто говорили о «турецкой модели» как альтернативе радикальному исламу [Wolfowitz., 2003], а президент Джордж Буш-мл. в одном из интервью назвал Турцию светочем демократии для мусульман всего мира (см.: [Peterson, 2002]).

Приход к власти в Турции в 2002 г. Партии справедливости и развития (ПСР) Реджепа Эрдогана способствовал росту ожиданий и дальнейшему увеличению интереса к Турции со стороны Запада. Либерально настроенные эксперты и журналисты восприняли неожиданную победу «молодой» партии как начало новой эпохи, главными чертами которой должны были стать социально-политические реформы (по образцу христианских демократов в Германии) и завершение затянувшегося конфликта между исламистами и «лаицистами». Другие надеялись, что ПСР под руководством энергичных политиков Реджепа Эрдогана и Абдуллаха Гюля, порвавших со «старыми» исламистскими партиями Неджметтина Эрбакана, поведет страну по пути дальнейшей модернизации с сопутствующим неминуемым крушением «закулисного государства» военной элиты.

Привлекательность Турции и «турецкой модели» в глазах лидеров западных стран еще более возросла после проведенных в стране масштабных преобразований, направленных на то, чтобы «подтянуть» Турцию до европейского уровня в соответствии с «Копенгагенскими критериями» для вступления в Евросоюз. На рубеже 1990-х и 2000-х годов Турция пережила серию реформаторских инициатив, направленных на либерализацию административно-политической системы, расширение гражданских прав и свободы слова, смягчение положения этноконфессиональных меньшинств. Первые шаги новой волны европеизации Турции пришлось на 2001 г., когда были приняты масштабные поправки к Конституции 1982 г., затем последовало утверждение нового Гра-

жданского кодекса и трех «пакетов по гармонизации» законодательства с нормами ЕС в 2002 г. [Aydın, Keyman, 2004].

Другим фактором роста популярности «турецкой модели» на Западе стал запуск американского проекта демократизации мусульманского Востока «сверху», который на саммите «Большой восьмерки» в июле 2005 г. получил название «Партнерства во имя прогресса и общего будущего с регионом расширенного Ближнего Востока и Северной Африки» [Partnership.., 2005]. За год до этого на саммите НАТО в Стамбуле президент Джордж Буш-мл. восторженно отзывался о Турции как о «примере мусульманской страны, твердо придерживающейся принципов демократии, защиты прав человека» [George Bush addresses.., 2004]. Турцию вместе с Италией сделали сопредседателями Диалога по поддержанию демократии в рамках инициативы расширенного Ближнего Востока и Северной Африки.

Однако в самой Турции к возрождению идеи «турецкой модели» на этот раз отнеслись неоднозначно. Значительная часть турецкого истеблишмента – особенно военная элита и светски настроенная часть гражданской бюрократии во главе с президентом Ахметом Сезером – усмотрела в «турецкой модели» инспирированный США проект, не учитывающий национальные интересы Турции. Озабоченность кемалистской части истеблишмента, прежде всего военных, вызывало то, что в рамках новой «турецкой модели» акцент делался именно на исламе и исламском характере турецкого государства, а светскость (секуляризм/лаицизм), являвшаяся одним из ключевых конституционных принципов Турецкой Республики с 1930-х годов, отступала на второй план. Острое раздражение вызвали слова госсекретаря США Колина Пауэлла о Турции как «умеренной исламской республике» [Powell.., 2004], на что президент Ахмет Сезер отреагировал, публично заявив, что «Турция не является исламской республикой, равно как и не служит примером страны умеренного ислама» [Sezer's warning.., 2004]. Даже лидер правящей происламской ПСР Реджеп Эрдоган без особого энтузиазма отреагировал на амбициозную инициативу продвижения «турецкой модели» на Ближний Восток [Başbakan Erdoğan'in Harvard.., 2004]. Идея, несмотря на массивную

поддержку администрации Джорджа Буша-мл., очень быстро сошла на нет.

Этому способствовало быстрое сворачивание проекта демократизации «расширенного Ближнего Востока и Северной Африки», поскольку события в Афганистане и Ираке развивались совсем не по тому сценарию, который предлагали западные лидеры на саммитах в начале 2000-х годов [Kirisçi, 2011]. Кроме того, турецко-американские отношения к середине 2000-х годов вошли в пору затяжного кризиса, вызванного взаимной неудовлетворенностью по поводу исполнения партнерских обязательств, особенно в контексте иракского кризиса: с одной стороны, заигрывание США с иракскими курдами и возросшая активность РПК в Северном Ираке вызывали раздражение Анкары, с другой – запрет, наложенный турецким парламентом на использование американцами расположенных в Турции военных баз для осуществления гуманитарной интервенции в Ирак (2003), был крайне негативно встречен в Вашингтоне. В довершение всего, правительство ПСР постаралось откrestиться от наименования «страна умеренного ислама» и, соответственно, от «турецкой модели». Во время визита в Вашингтон в 2004 г. премьер-министр Реджеп Эрдоган открыто заявил о невозможности «навешивать на ислам ярлыки умеренного или неумеренного» [Başbakan Erdoğan'ın Harvard., 2004]. На этом формально была поставлена точка в дискуссии о «турецкой модели» как синтезе ислама и демократии, или как об «исламской демократии».

Очередное возрождение идеи «турецкой модели» пришлось на конец 2000-х – начало 2010-х годов и было тесно связано с кризисом государственности на Ближнем Востоке. Прокатившиеся по странам региона волны гражданских протестов и последовавшие за этим смены режимов в Тунисе, Египте, Ливии и Йемене дали мощный импульс к развитию дискуссии о «турецкой модели» как на Западе, так и на арабском Востоке. Активная внешняя политика Анкары в виде четко обозначившегося к тому времени «поворота на Восток» породила у значительной части населения ближневосточных стран позитивные ожидания. «Арабская улица» с воодушевлением наблюдала за успехами финансово-экономической по-

литики Турции (за годы правления ПСР экономика Турции продемонстрировала поразительный ежегодный рост – от 5 до 9,5%, а также стабильное увеличение душевого дохода), внедрением масштабных программ социальной взаимопомощи, укреплением позиций Анкары на мировой арене и т.д. Эти достижения резко контрастировали с геронтократией, nepoтизмом и коррупцией, ужасающим уровнем безработицы и социальной несправедливости, т.е. всем тем, что стало главными побудительными мотивами «арабской весны».

Новая версия «турецкой модели» представляла собой синтез из основных черт двух предыдущих «моделей» за вычетом турецкого образца 1990-х годов: она подразумевала светскую демократическую политическую систему, уважение к исламским ценностям, социально ориентированную государственную политику и рыночную экономику. Однако новая «турецкая модель» оказалась крайне персонифицированной и во многом была завязана на растущей популярности ПСР и лично Реджепа Эрдогана. После публичной ссоры с израильским премьером Шимоном Пересом на Давосском форуме 2009 г. и резкой критики политики Тель-Авива Реджеп Эрдоган стал подлинным героем «арабской улицы» [Telhami, 2011].

Хиллари Клинтон, занимавшая тогда пост госсекретаря, публично высказывалась в поддержку стремления «народов Ближнего Востока и Северной Африки извлечь уроки из опыта Турции» [Clinton, 2011]. А президент Барак Обама открыто заявлял, что «светская демократическая Турция – критически важна как модель развития для других мусульманских стран региона» [Valentino, 2010]. Западные СМИ охотно подхватили идею «турецкой модели» для стран, переживших потрясения «арабской весны», и начали характеризовать ее как «реальность, а не фигуру речи» [The Turkish model., 2011].

Идею использования турецкого опыта активно поддерживало население арабских стран. Так, по результатам соцопроса, проведенного турецким фондом экономических и социологических исследований (Turkiye ekonomik ve sosyal etudler vakfi, TESEV), в ключевых странах Ближнего и Среднего Востока в 2011 г. более

61% респондентов позитивно отнеслись к перспективе внедрения «турецкой модели» в их собственных странах [Akgün, Gündoğar, 2012, p. 6]. Аналогичный опрос 2012 г. зафиксировал рост позитивного отношения к Турции: на тот момент уже более 72% респондентов согласились, что пример Турции мог бы стать эффективной моделью развития для Египта, Туниса и Ливии [İdiz, 2012].

Анкара, однако, на официальном уровне проявляла крайнюю осторожность. Выступая на международном форуме весной 2011 г., министр иностранных дел Ахмет Давутоглу на прямой вопрос о «турецкой модели» ответил аккуратно: «Мы не хотим, чтобы Турция как страна или ПСР как политическая партия выступали моделями для кого-либо. Мы проводим политику в интересах своей страны и своих граждан и не стремимся к созданию моделей... Мы не можем навязывать свою модель кому-либо, поскольку у каждой страны свой путь развития» [Davutoglu, 2011]. По мере развития событий турецкие политики стали высказываться более определенно, однако Реджеп Эрдоган, Абдуллах Гюль, занимавший тогда пост президента, и другие высокопоставленные функционеры правящей ПСР и правительства старательно избегали словосочетания «турецкая модель». Выступая перед депутатами парламента весной 2011 г., Реджеп Эрдоган говорил о том, что «турецкая демократия воодушевила арабский мир на протест против старых режимов» [Does Erdoan., 2011]. Президент Гюль вторил ему, отмечая, что Турция стала «источником вдохновения» для Ближнего Востока [Gül., 2011]. Подобная риторика отчасти объяснялась тем, что в памяти турецких политиков были свежи воспоминания о провале проекта «турецкой модели» в 1990-е и 2000-е годы, и отчасти – стремлением избежать негативной реакции новых лидеров арабских стран, которые вполне могли увидеть в самом слове «модель» указание на попытку экспорта политического режима как продолжения «сменорежимной стратегии» Запада [Наумкин, 2011]. «Мы не стремимся экспортировать свой режим – это просто невозможно... но если потребуется наша помощь, мы готовы ее оказать», – заявил Эрдоган в интервью американскому журналу «Тайм» осенью 2011 г. [Tharoor, 2011]. Более того, Эрдоган обращал внимание, что позитивный опыт Турции – особенно в

экономике – не стоит воспринимать узкорегionalmente. «Успехи турецкой экономики могут стать примером не только для стран региона, но и для любого государства мира», – говорил турецкий премьер с трибуны юбилейной конференции ООН по устойчивому развитию в Рио-де-Жанейро летом 2012 г. [Başbakan Erdoğan Rio., 2012].

По сравнению с 1990-ми годами и особенно с началом 2000-х годов притягательность «турецкой модели» была гораздо более ощутима. По всему региону происламские политические движения умеренного толка стали использовать в названиях своих партий эрдогановскую формулу «справедливости и развития»: свои Партии справедливости и развития появились в Ливии и Тунисе, в Египте – Партия свободы и справедливости, еще раньше в Сирии было основано Движение за справедливость и развитие.

Но главная проблема состояла не только в невозможности перенести «турецкую модель» на другие страны региона, но и в начавшихся процессах девестернизации в самой Турции. Ведь сама по себе «турецкая модель», как и эпоха правления ПСР, оказалась крайне противоречивой. С одной стороны, ПСР откровенно стремилась «подтянуть» Турцию до европейского уровня через экономические и административно-политические реформы. С другой – относительный успех реформ и экономический рост сопровождался репрессиями против политических оппонентов, настойчивым стремлением ввести в повестку общественно-политической дискуссии такие традиционные проблемы из риторики исламистов, как снятие запрета на ношение платков или отмена специальных правил поступления в вузы для выпускников религиозных школ, а также повсеместным фаворитизмом по отношению к «исламистским кадрам», которые по всей стране заполняли административные посты, – от глав муниципалитетов до директоров и руководителей образовательных учреждений. Кроме того, успехи социально-экономического развития были плодом нескольких десятилетий планомерных преобразований, осуществление которых в мобилизационном режиме в других странах едва ли было возможно (это признавали и арабские интеллектуалы [Barkey, 2011]), а баланс демократических институтов представлял

собой производную специфической турецкой политической системы, в которой военная элита с помощью регулярных переворотов (1960, 1971, 1980, 1997) «дозировала» демократический процесс, сдерживая развитие демократии, но при этом не давая ей окончательно умереть.

Дивергенция подходов к региональной и международной безопасности как отражение кризиса турецко-американских отношений

Среди тех областей турецко-американского сотрудничества, где позиции и подходы двух стран на протяжении последних двух десятилетий демонстрировали концептуальное расхождение, особое место занимают проблемы региональной и международной безопасности. В начале 2000-х годов, после событий 11 сентября 2001 г., объявление войны международному терроризму изменило не только общие подходы США к проблеме международной безопасности, но и отношение Вашингтона к роли Турции в ее обеспечении. Вашингтон стремился максимально задействовать в борьбе с терроризмом и региональными конфликтами обширную сеть военных баз на Ближнем Востоке. Внешнеполитическая доктрина Джорджа Буша-мл. предполагала наступательную стратегию борьбы как с терроризмом, так и с режимами, игнорирующими нормы западного международного права, что фактически означало прямое вмешательство в дела других государств и свержение лидеров, чья политика представляла реальную или гипотетическую угрозу для безопасности США [Jervis, 2003]. Еще одним приоритетным направлением внешнеполитической доктрины Джорджа Буша-мл. было распространение демократии: международная безопасность ставилась в прямую зависимость от уровня ее развития, а растущий авторитаризм и нарушения базовых гражданских прав были объявлены главной причиной расцвета радикализма и терроризма на Ближнем Востоке [Ibid.].

Первыми жертвами «доктрины Буша» стали Ирак и Иран – страны, имеющие общие границы с Турцией. Вполне ожидаемо, что Вашингтон обратился к Турции, как стране – члену НАТО и многолетнему союзнику Запада в регионе, за содействием в проведе-

дении антитеррористической операции, чтобы Турция предоставила расположенные на своей территории военные базы и санкционировала осуществление гуманитарной интервенции в Ирак с турецкой территории. Несмотря на договоренности, достигнутые на уровне политического руководства, в марте 2003 г. турецкий парламент заблокировал решение правительства о предоставлении турецких баз для вторжения в Ирак¹ [Turkey upsets..., 2003]. Для Вашингтона такое развитие событий стало крайне неприятной неожиданностью – «оглушительной оплеухой» от союзника по НАТО, как писали мировые СМИ [Filkins, 2003]. Однако на официальном уровне США не пошли на дипломатическую конфронтацию и по-прежнему позиционировали Турцию как союзника и как пример мусульманской страны с демократической политической системой – успешную модель сочетания ислама и демократии.

В 2000-е годы негативные последствия этого эпизода практически не ощущались. Режим ПСР как во внешней, так и во внутренней политике старался действовать в русле стратегического партнерства с США. В то время как националистические силы в Турции всячески подогревали антиамериканские настроения в обществе, нагнетая атмосферу через подконтрольные им СМИ и выступления на публичных мероприятиях, правительство ПСР последовательно боролось с проявлениями антиамериканизма в стране.

Солидарность с Западом в неприятии исламского радикализма режим ПСР проявлял и во внутренней политике, поддерживая умеренные исламистские силы² в противовес радикалам, с которыми в Турции в 2000-е годы активно боролись, внося свою лепту в объявленную после событий 11 сентября войну с между-

¹ *Афронт турецкого парламента был вызван, с одной стороны, опасениями депутатов-исламистов из правящей ПСР, доминировавших в палате, с другой – протестом депутатов курдского происхождения, воздержавшихся от голосования. Законопроект, хотя и получил одобрение 264 депутатов, не был принят, поскольку совокупное число проголосовавших против (250) и воздержавшихся (19) оказалось на 5 голосов больше.*

² *Именно благодаря этой политике в 2000-е годы большое влияние обрело международное миссионерское движение Фетхуллаха Гюлена.*

народным терроризмом. Интересы Запада и Турции в вопросах безопасности и противостояния распространению радикализма с территорий пограничных государств во многом совпадали, поскольку Турция сама стала ареной громких терактов¹.

Национальная разведывательная служба совместно с полицией развернула масштабную операцию по выявлению ячеек «Аль-Каиды» по всей Турции. Более тысячи сотрудников полиции были направлены на обучение по специальным образовательным программам по борьбе с терроризмом в различные военные академии (преимущественно в США). Впоследствии уже в Турции при поддержке структур ООН и ЕС правительство ПСР развернуло масштабную образовательную программу для офицеров полиции из соседних стран по подготовке специалистов по борьбе с терроризмом, в рамках которой в середине 2000-х годов более 5 тыс. сотрудников спецслужб из стран Ближнего Востока прошли обучение в Турецкой национальной полицейской академии. Таким образом Анкара налаживала инфраструктуру для регионального сотрудничества в борьбе с терроризмом, контрабандой и наркотрафиком. В начале 2000-х годов турецкие спецслужбы также переориентировали свои контртеррористические подразделения на выявление членов радикальных исламистских группировок (в дополнение к традиционному поиску и обезвреживанию боевиков из РПК). Турция заключила более 100 межправительственных соглашений о сотрудничестве силовых ведомств по борьбе с терроризмом и проведении совместных контртеррористических операций [Yavuz, Yildirim, 2010, p. 9]. Общая статистика антитеррористической деятельности турецких спецслужб в 2000-е годы оказалась весьма внушительной: за период с 2003 по 2010 г. турецкие власти выявили и взяли под стражу без малого 3,4 тыс. подозреваемых в связях с «Аль-Каидой» [Turan, 2010].

Концептуально атаки на США и возведение терроризма в ранг одной из основных угроз международной безопасности привели к доктринальной трансформации американских и европей-

¹ В ноябре 2003 г. в Стамбуле прогремели взрывы возле консульства Великобритании, здания банка HSBC и двух синагог (57 человек погибли и более 700 ранены).

ских подходов к проблеме обеспечения безопасности. В практическом плане ее результатом стало появление новых «зон фактической ответственности» НАТО на Ближнем Востоке [Богатуров, 2004]. Позднее право Альянса на то, чтобы действовать за пределами своих границ, было официально закреплено в новой стратегической концепции НАТО, принятой на саммите в Лиссабоне в 2010 г. [Active engagement., 2010]. В 2000-е годы Турция стала для США и НАТО важнейшим плацдармом для действий на пространствах новой зоны ответственности.

Однако в начале 2010-х годов положение изменилось. Политическая дестабилизация на Ближнем Востоке, вызванная «арабской весной», заставила Анкару переосмыслить свою внешнюю политику. Новое видение регионального порядка привело к пересмотру стратегии национальной безопасности и подходов к анти-террористической деятельности (подробнее см.: [Россия и большой.., 2013, с. 14–15; Ульченко, Шлыков, 2014, с. 18–29]). Несмотря на беспрецедентное увеличение террористической активности в регионе, власти Турции резко уменьшили интенсивность анти-террористических операций: по официальной статистике, с 2011 по 2013 г. в Турции было арестовано лишь 518 членов экстремистских группировок [Sancar, 2013]. При этом неофициальные источники – турецкие и западные СМИ – отмечали наращивание взаимодействия турецких спецслужб с джихадистами, которых предполагалось использовать в борьбе с режимом Башара Асада в Сирии. Турецкие журналисты, многие из которых впоследствии были обвинены в государственной измене и эмигрировали [Emre Uslu'ya., 2014], приводили доказательства того, что с 2012 г. турецко-сирийская граница стала легкопроходимой для джихадистов из разных стран мира, которые начали стекаться в Турцию для последующего участия в гражданской войне в Сирии [Uslu, 2014 a]. В то же время западные СМИ и ряд западных политиков указывали, что в Турции по мере снижения интенсивности антитеррористических операций турецких спецслужб и полиции растет активность радикальных исламистских группировок («Аль-Каида», «Джабхат ан-Нусра» и др.) [Spencer, Sanchez, 2014].

Новый подход турецких спецслужб к работе с исламскими радикалами отчасти был связан с тем, что первоначальный расчет турецкого руководства на умеренную сирийскую оппозицию в деле свержения режима Башара Асада в Сирии, не оправдался: Сирийский национальный совет со штаб-квартирой в Стамбуле не смог стать полноценным «правительством в изгнании», силы умеренной оппозиции, несмотря на внешнюю помощь, были не в состоянии противостоять регулярной сирийской армии, а дипломатическое давление на Башара Асада оказалось малоэффективным [Davutoğlu, Esad'a., 2012; Şamil Tayyar., 2012]. Поэтому власти Турции принялись искать альтернативные способы решения «сирийского вопроса», и одним из них стала «гибридная война» против режима Асада с использованием джихадистов [Phillips, 2012, p. 5–6].

Новые «методы» работы с радикальными группировками включали поставки вооружений джихадистам, участие турецких бизнесменов в контрабанде нефти через турецко-сирийскую границу, лечение раненых боевиков в турецких больницах и т.д. Сообщения об этом встречались не только в оппозиционных турецких СМИ. В специальном докладе, подготовленном экспертами Совета Безопасности ООН, анализировались данные о поставках вооружений с территории Турции боевикам из ИГИЛ и «Джабхат ан-Нусра» [The Islamic State., 2014]. Турецкое правительство, поначалу отвергавшее все подобные обвинения как необоснованные и бездоказательные [Ankara refutes., 2014], вскоре вынуждено было признать, что в ряде случаев Национальная разведывательная служба Турции сотрудничала с джихадистами [Taştekin, 2015]. По сообщениям газеты «Заман»¹, расследование скандального эпизода с задержанием колонны турецких грузовиков, перевозивших оружие под видом гуманитарной помощи сирийским беженцам

¹ В рамках гонений на оппозиционные и независимые СМИ в Турции 5 марта 2016 г. крупнейшая общенациональная газета «Zaman» и ее англоязычная версия «Today's Zaman» были переданы во внешнее государственное управление, с этого же дня on-line архив всех публикаций «Zaman» и «Today's Zaman», вышедших до 4 марта 2016 г., перестал быть доступен пользователям сети Интернет.

[Arsu, 2015], показало, что это сотрудничество носило регулярный характер [Uslu, 2014 b].

Не меньший резонанс вызвали вскрытые западными журналистами факты участия турецких бизнесменов в сделках по покупке контрабандной нефти, доставлявшейся через турецко-сирийскую границу по сети нелегальных трубопроводов и цистернами [Sanger, Davis, 2014]. На официальном уровне Анкара отвергла все эти обвинения [Tanıç, 2014], однако, как впоследствии писали турецкие газеты, контрабандная нефть по-прежнему продолжала поступать в Турцию [Taştekin, 2014].

Наконец, следует отметить, что в 2010-е годы боевики разнообразных экстремистских группировок, впоследствии участвовавшие в громких терактах в европейских столицах, чувствовали себя в безопасности на территории Турции, могли практически беспрепятственно пересекать турецко-сирийскую границу и даже использовали Турцию как перевалочный пункт на пути в Европу или США (подробнее см.: [Шлыков, 2017]).

В целом ситуация, сложившаяся к середине 2010-х годов, резко контрастировала с положением дел, казавшимся вполне устойчивым в 2000-е годы, когда турецкие спецслужбы энергично боролись с экстремистскими организациями, активно работали с населением через школы и социальные службы, стремясь минимизировать риски вербовки новых членов радикальных группировок [Country reports., 2014], и развивали тесное взаимодействие со своими коллегами на региональном и международном уровнях (что позволило им провести ряд успешных операций по выявлению и задержанию нескольких опасных террористов на территории Турции, а также пресечь деятельность ряда экстремистских группировок). Однако в рамках нового курса турецких властей, предполагавшего масштабное использование джихадистов в региональной политике, потенциал доверия между турецкими и западными спецслужбами был исчерпан, и взаимодействие со странами ЕС и США по вопросам международной безопасности в 2010-е годы практически сошло на нет [Шлыков, 2017, с. 50–60].

Эрозия турецко-американских отношений во второй половине 2010-х годов

Обострение ситуации на Ближнем Востоке во второй половине 2010-х годов, обнажившее концептуальные расхождения в подходах к региональным проблемам, – один из главных драйверов текущего кризиса турецко-американских отношений. В длинном перечне вопросов, по которым позиции Анкары и Вашингтона не сходятся, обозначились как системные, так и ситуативные проблемы. На первом месте – различие позиций по отношению к сирийскому президенту Башару Асаду и вооруженным группировкам, участвующим в сирийском конфликте (от «сирийской оппозиции» до курдского ополчения). Если США и в целом Запад к середине 2010-х годов перестали категорически настаивать на необходимости ухода Асада от власти, как это было в начале сирийского кризиса, то президенту Реджепу Эрдогану эмоциональная составляющая этой проблемы мешала сделать аналогичный шаг. После договоренностей о выводе химического оружия из Сирии в 2013 г. Вашингтон в официальной риторике фактически отразил изменения в своих подходах к Асаду. В Турции, напротив, функционеры правящей партии и сам Эрдоган, несмотря на сближение с Россией и Ираном по Сирии в 2016 г., не отказались от жесткой риторики в адрес сирийского лидера.

Аналогичная ситуация сложилась и в отношении вооруженных группировок, воюющих против режима Асада. После 2014 г. США сократили масштабы военной помощи сирийской оппозиции, а в июле 2017 г. новый президент Дональд Трамп принял решение о приостановке любой военной помощи, поступающей воюющим против Асада формированиями по каналам ЦРУ [Jaffe, Entous, 2017]. Турция действовала, руководствуясь обратной логикой: Анкара не только не сократила военно-техническую помощь повстанцам, воюющим против Асада, но и активно использовала этих боевиков как своих условных союзников в ходе операции «Щит Евфрата» (26 августа 2016 г. – 29 марта 2017 г.).

Анкара и Вашингтон продемонстрировали диаметрально противоположные подходы и в определении угроз, исходящих от ИГИЛ, «Джабхат ан-Нусры» и других террористических группи-

ровок, но главное – в оценке «курдского вопроса» в его региональном и трансрегиональном измерениях.

Все это рельефно проявилось во время борьбы с экспансией ИГИЛ. В июне 2014 г., когда проблема противостояния ИГИЛ встала перед мировым сообществом в полной мере, поскольку под натиском исламистов пали ключевые сирийские и иракские города – Ракка, Мосул и т.д., – США инициировали формирование международной коалиции против «Исламского государства». Турция присоединилась к американской коалиции и операциям против «Исламского государства» лишь в июле 2015 г. и только тогда дала разрешение на использование военной базы Инджирлик для нанесения авиаударов по позициям боевиков. Такое поведение союзника по НАТО не могло не вызвать серьезного раздражения на Западе [Sly L., DeYoung, 2015].

Еще один эпизод, иллюстрирующий эрозию общего турецко-американского видения региональной безопасности, – события вокруг города Кобани. Осенью 2014 г. в ходе продвижения на север Сирии боевики ИГИЛ осадили приграничный город Кобани с преимущественно курдским населением. Осада продлилась до конца января 2015 г., город защищали помимо его жителей подразделения народной самообороны курдов, с воздуха им помогали силы международной коалиции, а стоявшие на границе турецкие войска не только не вмешивались в ход событий, но несколько месяцев не давали возможность курдским отрядам перебрасывать подкрепления через турецкую территорию. Массовые протесты курдов по всей Турции и давление международного сообщества заставили турецкие власти разрешить проход подкреплений в Кобани по своей территории [Pamuk, Salman, 2014].

Таким образом, ряд последовательных событий, отчетливо продемонстрировавших неготовность Турции солидаризоваться с США в деле противостояния ИГИЛ и экспансии террористических группировок в Сирии и Ираке, заставил Вашингтон искать альтернативных союзников на ближневосточном направлении. И такими тактическими союзниками, доказавшими свою высокую эффективность в противостоянии исламистам, стали отряды народной самообороны сирийских курдов. Такой выбор союзников

был практически predetermined: перебрасывание в регион своих воинских подразделений для проведения наземных операций в Вашингтоне считали неприемлемым, равно как и сотрудничество с правительственными войсками Асада и проиранскими боевыми группировками. Других альтернатив, кроме ополчения сирийских курдов, практически не оставалось.

С точки зрения правительства Турции, наращивание взаимодействия США с сирийскими курдами выглядело так, словно вместо тактического ситуативного альянса партнерство американской коалиции с курдским ополчением приобрело почти стратегический характер, что в корне расходилось с интересами и приоритетами Анкары как на региональном уровне, так в сфере внутривосточной стабильности – с учетом наличия в Турции «курдского вопроса».

Дело в том, что в рамках борьбы с ИГИЛ большое число турецких курдов вошло в отряды народной самообороны сирийских курдов. Подобная курдская солидарность – явление достаточно новое для региона, где разобщенность курдских диаспор всегда препятствовала реализации проекта единого курдского государства. Продвижение ИГИЛ по территории Ирака и Сирии в 2014–2015 гг. в определенном смысле стерло межгосударственные границы, сделав их максимально проницаемыми, и этот фактор также сыграл свою роль, значительно облегчив объединение усилий турецких, иракских и сирийских курдов. Совместные действия в пограничных районах сирийских отрядов самообороны с иракскими курдскими военизированными формированиями пешмерга и турецкими силами РПК с 2014 г. стали регулярными, а операция против боевиков ИГИЛ по освобождению езидских поселений близ города Синджар на севере Ирака в декабре 2014 г. вообще была названа хрестоматийной [Tharoor, 2014].

Получалось, что США в Сирии начали активно сотрудничать с силами, тесно связанными с РПК, т.е. организацией, которая признана террористической и в Турции, и в США. Причем народное ополчение сирийских курдов никогда не скрывало этого: после взятия Ракки – сирийской «столицы» ИГИЛ – мировые СМИ обошли фотографии курдских ополченцев на фоне флагов РПК и

портретов лидера турецких курдов Абдуллы Оджалана, отбывающего пожизненное заключение на острове Имралы в Турции [Kurdish forces., 2017].

Учитывая, что сирийским курдам фактически подконтрольны значительные территории (на начало 2018 г. – до 20% Сирии) с богатыми нефтеносными районами, и принимая во внимание объемы современного вооружения, полученного ими от США и других союзников, а также весьма увеличившуюся с 2015 г. активность РПК, неудивительно, что обеспокоенность Турции, связанная с «курдским вопросом», резко возросла.

Тактическое сотрудничество в борьбе в ИГИЛ между отрядами самообороны сирийских курдов и Центральным командованием США (CENTCOM), ведающим операциями в регионах Ближнего Востока и Северной Африки, – камень преткновения в двустороннем диалоге Турции и США с 2015 г., с того момента, когда правительство Турции свернуло «мирный процесс» с РПК, в рамках которого было объявлено обоюдное «прекращение огня» и велись переговоры с курдскими лидерами (даже с находящимся в заключении Абдуллой Оджаланом), и начало вести активные боевые действия против курдских отрядов на юго-востоке Анатолии и приграничных иракских и сирийских районах [Aydin, Emrence, 2016]. Отряды самообороны сирийских курдов показали достаточно высокую эффективность в противостоянии ИГИЛ в Сирии в качестве условных союзников международной антитеррористической коалиции во главе с США, и Вашингтон, таким образом, оказался в неловком положении: между «старым союзником» в лице Турции и «новым партнером» – сирийскими курдами, боевые организации которых Анкара относила к террористическим группировкам за их связь с РПК.

Незадолго до турецкого военного путча в июле 2016 г. Барак Обама провел продолжительные телефонные переговоры с Реджепом Эрдоганом, главной целью которых было убедить турецкого президента согласиться на американскую операцию по поддержке сирийских курдов, которые вот-вот должны были перейти Евфрат и начать атаку на Манбидж – важный опорный пункт ИГИЛ [Yetkin, 2016]. Переход курдами условной границы, прохо-

дящей по Евфрату, воспринимался в Анкаре как «точка невозврата» в территориальной экспансии курдов на запад: зайдя за эту «красную линию», курды получили бы возможность установить свой контроль над всей приграничной к Турции территории. Обама удалось тогда убедить Эрдогана, который согласился на эту операцию с условием, что после захвата Манбиджа отряды народной самообороны сирийских курдов вернутся на восточный берег Евфрата. Операция по зачистке Манбиджа от боевиков ИГИЛ в июле 2016 г. оказалась успешной, однако курские отряды не стали возвращаться на исходные позиции, а в СМИ начали циркулировать фотографии американских солдат в униформе курдских ополченцев [US soldiers..., 2016]. Все это окончательно подорвало доверие Эрдогана к действиям США, и официальная Анкара стала рассматривать тактический альянс Вашингтона с сирийскими курдами как непосредственную угрозу своей национальной безопасности. Масло в огонь подлил и проведенный в сентябре 2017 г. референдум о независимости Иракского Курдистана. В Анкаре всерьез озаботились возможностью того, что подобный сценарий может быть разыгран и в отношении турецких курдов, и замаячившая на горизонте угроза федерализации заставила ее принять более жесткие меры по «курдской проблеме» как на внутри-, так и на внешнеполитическом уровнях.

Своеобразным ответом на масштабное сотрудничество США с сирийскими курдами стала публикация в турецких СМИ (под заголовком «Как США помогают РПК») информации о расположении десяти американских баз и военных пунктов в Сирии (в районах, подконтрольных отрядам самообороны сирийских курдов) [Suriye'de..., 2017]. Представители Центрального командования США выразили недоумение таким недружественным шагом со стороны союзника по НАТО [Moore, 2017], а в Анкаре в очередной раз подчеркнули, что РПК наравне с народным ополчением сирийских курдов – суть террористические организации, угрожающие национальной безопасности Турции.

Еще одним движущим фактором эрозии турецко-американских отношений выступает наращивание политического и военно-стратегического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: это и

участие Анкары в астанинском процессе вместе с Ираном и Россией, и взаимодействие с Ираном по катарскому кризису, и солидарная позиция по референдуму о независимости Иракского Курдистана. Особенное раздражение в Вашингтоне вызвало налаживание военно-политического сотрудничества между Анкарой и Тегераном: впервые за без малого 40 лет со времен Исламской революции 1979 г. две страны обменялись визитами высокопоставленных военных делегаций во главе с начальниками генштабов [Iran says..., 2017]. С учетом агрессивной антииранской риторики Вашингтона подобные шаги – показатель не только катастрофического ослабления блоковой дисциплины в рамках НАТО, но и индикатор крайне низкого уровня двусторонних отношений.

С системной точки зрения текущее обострение турецко-американских отношений на ближневосточном направлении может привести к нарастанию противоречий после перехода ситуации в Сирии из фазы гражданской войны с участием ИГИЛ в русло послевоенного политического урегулирования, поскольку вся совокупность проблемных вопросов, связанных с уничтожением ИГИЛ, не только останется на повестке дня, но и обрстет новыми конфликтными противоречиями.

Динамика развития турецко-американских отношений в 2000-е годы иллюстрирует процесс формирования нового баланса приоритетов и ценностных установок, в котором ценностно-идеологическая солидарность с Западом, характерная для периода холодной войны, все больше уступает место соображениям, связанным с текущими и долгосрочными интересами Анкары. Вопросы политической идентичности потеряли первостепенную значимость, и новые политические элиты Турции 2000-х и 2010-х годов стали рассматривать партнерство с США в иной системе координат, где основными факторами становятся текущие и потенциальные вызовы национальной безопасности, а также содействие, которое могут оказать западные союзники в их купировании. С такой точки зрения даже членство в НАТО, долгое время воспринимавшееся турецким истеблишментом как главный фактор стратегического партнерства Турции с Западом в целом и с США в

частности, перестало рассматриваться как стратегическая *необходимость*, а стало восприниматься как одна из стратегических *возможностей*. В 2000-е годы Турции уже не требовалось членство в НАТО, чтобы оправдать свои притязания на европейскую идентичность, и НАТО все больше стала рассматриваться как инструмент укрепления позиций Турции на региональном и даже глобальном уровнях. В 2000-е годы многоуровневые отношения Турции с США получили дополнительное измерение, связанное с отношениями официальной Анкары с мусульманскими странами. Казалось бы, исламская солидарность и стратегическое партнерство с США в 2000-е годы являлись практически взаимоисключающими условиями, однако у ПСР был иной взгляд на эту проблему.

Развитие турецко-американских отношений за последние два десятилетия – и отношения в рамках НАТО в этом смысле весьма индикативны – отчетливо показало, что Турция последовательно отстаивает свою субъектность в региональных и международных процессах, что блоковая солидарность Турции не может считаться аксиомой. Реджеп Эрдоган и другие крупные функционеры правящего в Турции режима четко артикулировали требование не только считаться с интересами Турции, но и считать ее страной, имеющей свой голос в многосторонних и двусторонних форматах. Девальвация членства в НАТО в условиях новых возможностей и новых внешнеполитических приоритетов – от евроинтеграции до «поворота на Восток», – несомненно, сказалась и на характере турецко-американских отношений. Сотрудничество между Турцией и США, которое в годы холодной войны развивалось в основном в рамках НАТО и многосторонних международных инициатив, в 2000-е годы сузилось до формата двустороннего взаимодействия, преимущественно вне рамок НАТО. Этот процесс во многом отразил концептуальное расхождение в подходах к международной безопасности между США и Турцией. Чем больше США апеллировали к НАТО как инструменту в реализации американской модели глобального миропорядка и расширению «зоны ответственности» Альянса, тем больше Анкара тяготела к классической трактовке НАТО как платформы обеспечения европейской коллективной безопасности. В этом ключе трансформация НАТО

в глобального игрока для Турции стала вопросом региональных интересов и приоритетов, связанным, в частности, с тем, насколько негативно эти процессы отразятся на ее отношениях и с Россией, и с региональными игроками, прежде всего с Ираном.

В то же время хотя Турция становится все менее предсказуемой для США и западных партнеров и уже перестала выполнять роль «витрины демократии с исламским лицом» на Ближнем Востоке, она тем не менее не утратила привлекательности для стран региона. При всей неоднозначности внутриполитической линии Реджепа Эрдогана, обаяние силы играет свою роль. Взятый им с начала 2010-х годов курс на консолидацию власти, притом что методы его реализации с каждым годом становятся жестче, не привел к коллапсу режима. Наоборот, он создал новый внутренний баланс сил, в рамках которого была полностью уничтожена старая система сдержек и противовесов (прежде всего в лице армии и военной элиты). С одной стороны, в этом можно было бы усмотреть движение к современной форме политического устройства, в рамках которого военная элита не обладает политической субъектностью и формируется новый общественный договор власти и общества. С другой стороны, открытым пока остается вопрос, кто теперь – в условиях высокой степени персонификации власти и ослабления светской институциональной компоненты политической системы – будет выполнять роль необходимого балансира.

За последнее десятилетие Турция превратилась в гораздо более самостоятельного геополитического игрока, но при этом менее предсказуемого и не соответствующего представлениям США и Запада в целом о том, какую Турцию они хотели бы видеть в качестве «модели» для мусульманских стран Ближнего Востока. Турция теперь уже не «остров стабильности», а источник новых, зачастую неожиданных импульсов регионального масштаба.

Список литературы

Богауров А.Д. Перерождение НАТО // Независимая газета. – М., 2004. – 28.06. – Режим доступа: http://www.ng.ru/world/2004-06-28/6_nato.html (Дата обращения – 02.08.2018).

Наумкин В.В. Снизу вверх и обратно: «Арабская весна» и глобальная международная система // Россия в глобальной политике. – М., 2011. – 02.08. – Режим доступа: <http://www.globalaffairs.ru/number/Snizu-vverkh-i-obratno-15277> (Дата обращения – 02.08.2018).

Россия и большой Ближний Восток / Гл. ред. И.С. Иванов; Российский совет по международным делам (РСМД). – М.: Спецкнига, 2013. – 52 с. – Режим доступа: <http://russiancouncil.ru/activity/publications/ros-siya-i-bolshoy-blizhniy-vostok/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Ульченко Н.Ю., Шлыков П.В. Динамика российско-турецких отношений в условиях нарастания глобальной нестабильности / РАН. ИВ. – М., 2014. – 96 с. – Режим доступа: <https://book.ivran.ru/f/rus-tur2014.pdf> (Дата обращения – 02.08.2018).

Шлыков П.В. Ближневосточная дилемма безопасности Турции: От сотрудничества с Западом в борьбе с терроризмом к опоре на джихадистов в региональной политике // Актуальные проблемы Европы / РАН. ИНИОН. – М., 2017. – № 4. – С. 35–65.

Active engagement, modern defense: Strategic concept for the defense and security of the members of the North Atlantic Treaty Organization adopted by Heads of State and Government at the NATO Summit in Lisbon 19–20 November 2010 / NATO. – Brussels, 2010. – 38 p. – Mode of access: http://www.nato.int/strategic-concept/pdf/Strat_Concept_web_en.pdf (Дата обращения – 02.08.2018).

Akgün M., Gündoğar S.S. The perception of Turkey in the Middle East 2011 / Türkiye ekonomik ve sosyal etüdler vakfi (TESEV). – Istanbul, 2012. – 34 p. – Mode of access: http://tese.org.tr/wp-content/uploads/2015/11/The_Perception_Of_Turkey_In_The_Middle_East_2011.pdf (Дата обращения – 02.08.2018).

Altunışık M.B. Turkey's Iraq policy: The war and beyond // J. of contemporary European studies. – L.: Taylor & Francis, 2006. – Vol. 14, Issue 2. – P. 183–196.

Ankara refutes UN report claiming Turkey route for arms to al-Qaeda // Hürriyet daily news. – Istanbul, 2014. – 30.12. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/ankara-refutes-un-report-claiming-turkey-route-for-arms-to-al-qaeda-76266> (Дата обращения – 02.08.2018).

Arzu S. Turkey threatens to block social media over released documents // New York Times. – N.Y., 2015. – 16.01. – Mode of access: <https://www.nytimes.com/2015/01/17/world/europe/turkey-threatens-to-block-social-media-over-released-documents.html> (Дата обращения – 02.08.2018).

Aydın M. Turkey and Central Asia: Challenges of change // Central Asian survey. – L.: Taylor & Francis, 1996. – Vol. 15, Issue 2. – P. 157-177.

Aydın A., Emrence C. Two routes to an impasse: Understanding Turkey's Kurdish policy / Brookings Institution. – Wash., D.C., 2016. – December. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/12/aydin-and-emrence-two-routes-to-an-impasse.pdf> (Дата обращения – 02.08.2018).

Aydın S., Keyman F.E. European integration and the transformation of Turkish democracy / Centre for European policy studies. – Brussels, 2004. – 56 p. – Mode of access: http://aei.pitt.edu/6764/1/1144_02.pdf (Дата обращения – 02.08.2018).

Bal İ. The Turkish model and the Turkic republics // Perceptions: J. of international affairs. – Istanbul, 1998. – Vol. 3, Issue 3. – P. 180-198. – Mode of access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/IdrisBal.pdf> (Дата обращения – 02.08.2018).

Barkey H. Turkey and the Arab Spring // Carnegie Endowment for international peace. – Wash., D.C., 2011. – 26.04. – Mode of access: <http://carnegieendowment.org/2011/04/26/turkey-and-arab-spring-pub-43731> (Дата обращения – 02.08.2018).

Başbakan Erdoğan'ın Harvard konuşması // Yeni şafak. – Istanbul, 2004. – 01.02. – P. 1.

Başbakan Erdoğan Rio 20 Zirvesi'nde konuştu // Hürriyet. – Istanbul, 2012. – 21.06. – Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/ekonomi/basbakan-erdogan-rio-20-zirvesinde-konustu-20815121> (Дата обращения – 02.08.2018).

Batur N. Ciller Ruslar'a rest // Milliyet. – Istanbul, 1993. – 09.09. – P. 19.

Bush G. Remarks at the departure ceremony for Prime Minister Suleyman Demirel of Turkey // American presidency project. – Wash., D.C., 1992. – 11.02. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/index.php?pid=20586> (Дата обращения – 02.08.2018).

Clinton H.R. Joint press availability with Turkish foreign minister Ahmet Davutoglu // US Department of State. – Istanbul, 2011. – 16.07. – Mode of access: <https://2009-2017.state.gov/secretary/20092013clinton/rm/2011/07/168665.htm> (Дата обращения – 02.08.2018).

Clinton W.J. Remarks to the Turkish Grand National Assembly in Ankara // American presidency project. – Ankara, 1999. – 15.11. – Mode of access: <http://www.presidency.ucsb.edu/ws/?pid=%2056935> (Дата обращения – 02.08.2018).

Country reports: Europe overview // Country reports on terrorism 2013 / US Department of State. Bureau of counterterrorism. – Wash., D.C.,

2014. – Mode of access: <http://www.state.gov/j/ct/rls/crt/2013/224822.htm> (Дата обращения – 02.08.2018).

Daily press briefing / US Department of State; N. Burns (Briefer). – Wash., D.C., 1997. – 09.05. – Mode of access: <https://web.archive.org/web/20100508223154/http://secretary.state.gov/www/briefings/9705/970509.htm> (Дата обращения – 02.08.2018).

Davutoglu A. We in Turkey and the Middle East have replaced humiliation with dignity // *Guardian*. – L., 2011. – 15.03. – Mode of access: <http://www.guardian.co.uk/commentisfree/2011/mar/15/middle-east-dignity-common-destiny> (Дата обращения – 02.08.2018).

Davutoğlu, Esad'a ömür biçti // *Hürriyet*. – Istanbul, 2012. – 25.08. – Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/davutoglu-esada-omur-bicti-21300142> (Дата обращения – 02.08.2018).

Demirel S. The compatibility of Islam, democracy and secularism // *Perceptions: J. of international affairs*. – Istanbul, 1997. – Vol. 2, Issue 2. – P. 17–19. – Mode of access: <http://sam.gov.tr/wp-content/uploads/2012/02/SuleymanDemirel1.pdf> (Дата обращения – 02.08.2018).

Does Erdoan have a plan? Explaining the Turkish response to the Arab uprisings // *Economist*. – L., 2011. – 28.03. – Mode of access: <https://www.economist.com/newsbook/2011/03/28/does-erdogan-have-a-plan> (Дата обращения – 02.08.2018).

Dunn M.C. Turkey loses Ozal at a crucial moment: Special report // *Washington report on Middle East affairs*. – Wash., D.C., 1993. – Vol. 12, Issue 1. – P. 46–47.

Emre Uslu'ya 7 yıl hapis istemi // *Radikal*. – Istanbul, 2014. – 06.06. – Mode of access: <http://www.radikal.com.tr/turkiye/emre-usluya-7-yil-hapis-istemi-1195929/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Erickson E.J. Turkey as a regional hegemon – 2014: Strategic implications for the United States // *Turkish studies*. – L.: Taylor & Francis, 2004. – Vol. 5, Issue 3. – P. 25–45.

Filkins D. Threats and responses: Ankara; Turkish deputies refuse to accept American troops // *New York Times*. – N.Y., 2003. – 02.03. – Mode of access: <http://www.nytimes.com/2003/03/02/world/threats-and-responses-ankara-turkish-deputies-refuse-to-accept-american-troops.html> (Дата обращения – 02.08.2018).

Foreign relations of the United States, 1950. – Wash., D.C.: US Government printing office, 1978. – Vol. 5: The Near East, South Asia, and Africa / F. Aandahl, W.Z. Slany (Gen. Eds.). – 1890 p. – Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1950v05> (Дата обращения – 02.08.2018).

Foreign relations of the United States, 1952-1954. - Wash., D.C.: US Government printing office, 1986. - Vol. 9, Part 1: The Near and Middle East / J.P. Glennon (Gen. Ed.). - 2724 p. - Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1952-54v09p1> (Дата обращения - 02.08.2018).

Foreign relations of the United States, 1977-1980. - Wash., D.C.: US Government printing office, 2014. - Vol. 1: Foundations of Foreign Policy / A.M. Howard (Gen. Ed.). - 836 p. - Mode of access: <https://history.state.gov/historicaldocuments/frus1977-80v01> (Дата обращения - 02.08.2018).

George Bush addresses the NATO summit in Turkey // Guardian. - L., 2004. - 29.06. - Mode of access: <https://www.theguardian.com/world/2004/jun/29/eu.nato1> (Дата обращения - 02.08.2018).

Goldberg J. The Obama Doctrine // Atlantic. - Wash., D.C., 2016. - April. - Mode of access: <https://www.theatlantic.com/magazine/archive/2016/04/the-obama-doctrine/471525/> (Дата обращения - 02.08.2018).

Goltz T. Letter from Eurasia: The hidden Russian hand // Foreign policy. - Wash., D.C., 1993. - N 92. - P. 92-116.

Greenberger R.S. «Turkish model»: Baker tours Central Asia seeking promises and ties // Wall Street J. - N.Y., 1992. - 14.02. - P. 12.

Gül: Model değiliz, ilham veriyoruz // NTV. - Istanbul, 2011. - 08.08. - Mode of access: <https://www.ntv.com.tr/turkiye/gul-model-degiliz-ilham-veriyoruz,eOeafOdMO0eVB7qlFwvYeQ> (Дата обращения - 02.08.2018).

İdiz S. Do Arabs know what the Turkish model is? // Hurriyet daily news. - Istanbul, 2012. - 28.02. - Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/semih-idiz/do-arabs-know-what-the-turkish-model-is---14789> (Дата обращения - 02.08.2018).

Iran says no need to increase missile range as can already hit US forces // Reuters. - L., 2017. - 31.10. - Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-iran-nuclear-usa-missiles/iran-says-no-need-to-increase-missile-range-as-can-already-hit-u-s-forces-idUSKBN1D028K> (Дата обращения - 02.08.2018).

Jaffe G., Entous A. Trump ends covert CIA program to arm anti-Assad rebels in Syria, a move sought by Moscow // Washington Post. - Wash., D.C., 2017. - 19.07. - Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/national-security/trump-ends-covert-cia-program-to-arm-anti-assad-rebels-in-syria-a-move-sought-by-moscow/2017/07/19/b6821a62-6beb-11e7-96ab-5f38140b38cc_story.html (Дата обращения - 02.08.2018).

Jervis R. Understanding the Bush doctrine // Political science quarterly. - Hoboken, NJ: John Wiley & Sons, 2003. - Vol. 118, Issue 3. - P. 365-388.

Karasapan Ö. Turkey and the US strategy in the Age of Glasnost // Middle East Report / Univ. of Richmond. - Richmond, VA, 1989. - Vol. 19,

Issue 5 (160). – Mode of access: <https://www.merip.org/mer/mer160/turkey-us-strategy-age-glasnost> (Дата обращения – 02.08.2018).

Kirisçi K. Turkey's «demonstrative effect» and the transformation of the Middle East // *Insight Turkey*. – Istanbul, 2011. – Vol. 13, Issue 2. – P. 33–55.

Kirişçi K., Ekim S. Turkey's trade in search of an external anchor: The neighborhood, the Customs Union or TTIP? / *Brookings Institution*. – Wash., D.C., 2015. – 13.04. – Mode of access: <https://www.brookings.edu/research/turkeys-trade-in-search-of-an-external-anchor-the-neighbourhood-the-customs-union-or-ttip/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Kurdish forces raise large banner of jailed PKK leader Abdullah Ocalan in iconic Raqqa square // *New Arab*. – L., 2017. – 19.10. – Mode of access: <https://www.alaraby.co.uk/english/news/2017/10/19/kurdish-forces-raise-pkk-leader-portrait-in-syrias-raqqa> (Дата обращения – 02.08.2018).

Kut G. Elçbey'in sonu, Türkiye modelinin sonudur // *Cumhuriyet*. – Istanbul, 1993. – 24.01. – P. 2.

Kut Ş. The contours of Turkish foreign policy in the 1990 s // *Turkey in world politics: An emerging multiregional power* / B. Rubin, K. Kirişçi (Eds.). – Istanbul: Boğaziçi univ. press, 2002. – P. 5–12.

Lesser I. Turkey and the United States: Anatomy of a strategic partnership // *The future of Turkish foreign policy* / L.G. Martin, D. Keridis (Eds.). – Cambridge, MA: MIT Press, 2004. – P. 83–99.

Manevich D., Chwe H. Globally, more people see US power and influence as a major threat // *Pew research center*. – Wash., D.C., 2017. – 01.08. – Mode of access: <http://www.pewresearch.org/fact-tank/2017/08/01/u-s-power-and-influence-increasingly-seen-as-threat-in-other-countries/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Moore J. US «concerned» about Turkey leak of special force positions in Northern Syria // *Newsweek*. – N.Y., 2017. – 20.07. – Mode of access: <http://www.newsweek.com/us-concerned-about-turkey-leak-special-force-positions-northern-syria-639460> (Дата обращения – 02.08.2018).

Mufti M. Daring and caution in Turkish strategic culture: Republic at sea. – L.: Palgrave MacMillan, 2009. – 240 p.

Ozal T. Turkish model for Asian republics // *Baltimore Sun*. – Baltimore, 1992. – 16.01. – Mode of access: http://articles.baltimoresun.com/1992-01-16/news/1992016166_1_situation-in-iraq-gulf-war-embargo-against-iraq (Дата обращения – 02.08.2018).

Pamuk H., Salman R. Kurdish peshmerga forces enter Syrias Kobani after further air strikes // *Reuters*. – Baghdad, 2014. – 31.10. – Mode of access: <https://www.reuters.com/article/us-mideast-crisis/kurdish-peshmerga-forces->

enter-syrias-kobani-after-further-air-strikes-idUSKBN0IK15M20141031 (Дата обращения - 02.08.2018).

Parlar Dal E., Erşen E. Reassessing the «Turkish model» in the post-cold war era: A role theory perspective // Turkish studies. - L.: Taylor & Francis, 2014. - Vol. 15., Issue 2. - P. 258-282.

Partnership for progress and a common future with the broader Middle East and North Africa region / G8 Gleneagles Summit. - Auchterarder, 2005. - 2 p. - Mode of access: <http://www.g8.utoronto.ca/summit/2005gleneagles/bmena.pdf> (Дата обращения - 02.08.2018).

Peterson J.E. Defending Arabia. - L.: Croom Helm, 1986. - 276 p.

Peterson L. The Pentagon talks Turkey // American prospect. - Wash., D.C., 2002. - 05.09. - Mode of access: <http://prospect.org/article/pentagon-talks-turkey> (Дата обращения - 02.08.2018).

Phillips Ch. Into the quagmire: Turkey's frustrated Syria policy. - L., 2012. - December. - 16 p. - Mode of access: https://www.chathamhouse.org/sites/files/chathamhouse/public/Research/Middle%20East/1212bp_phillips.pdf (Дата обращения - 02.08.2018).

Pomfret R. Agrarian reform in Uzbekistan: Why has the Chinese model failed to deliver? // Economic development and cultural change. - Chicago, IL: Univ. of Chicago press, 2000. - Vol. 48, Issue 2. - P. 269-284.

Pope N. Turkey delighted by its new model role // Guardian. - L., 1992. - 16.02. - P. 2.

Powell Saçmaladı // Cumhuriyet. - Istanbul, 2004. - 03.04. - P. 1, 8.

Remarks by President Obama to the Turkish Parliament // The White House. Office of the Press Secretary. - Wash., D.C., 2009. - 06.04. - Mode of access: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/remarks-president-obama-turkish-parliament> (Дата обращения - 02.08.2018).

Robins P. Between sentiment and self-interest: Turkey's policy toward Azerbaijan and the Central Asian states // Middle East j. - Wash., D.C., 1993. - Vol. 47, Issue 4. - P. 593-610.

Şamil Tayyar: 3 saatte Şam'a varırız // Radikal. - Istanbul, 2012. - 10.10. - Mode of access: <http://www.radikal.com.tr/politika/samil-tayyar-3-saatte-sama-variriz-1103525/> (Дата обращения - 02.08.2018).

Sancar A. El Kaid'e'ye 3 yılda 140 operasyon // Sabah. - Istanbul, 2013. - 10.11. - Mode of access: <http://www.sabah.com.tr/gundem/2013/11/10/el-kaideye-3-yilda-140-operasyon> (Дата обращения - 02.08.2018).

Sanger D.E., Davis J.H. Struggling to starve ISIS of oil revenue: US seeks assistance from Turkey // New York Times. - N.Y., 2014. - 13.09. - Mode of access: <https://www.nytimes.com/2014/09/14/world/middleeast/struggli>

ng-to-starve-isis-of-oil-revenue-us-seeks-assistance-from-turkey.html (Дата обращения - 02.08.2018).

Sayarı S. Turkish-American relations in the post-cold war era: Issues of convergence and divergence // Turkish-American relations: Past, present and future / M. Aydın, Ç. Erhan (Eds.). - L.; N.Y.: Routledge, 2004. - P. 91-106.

Sezer's warning: «Turkey is neither an Islamic republic, nor an example of moderate Islam» // Middle East transparent. - Ankara, 2004. - 02.10. - Mode of access: https://www.mettransparent.com/old/texts/sezers_turkey_is_neither_an_islamic_republic_nor_an_example_of_moderate_islam.htm (Дата обращения - 02.08.2018).

Sly L., DeYoung K. Turkey agrees to allow U.S. military to use its base to attack Islamic State // Washington Post. - Wash., D.C., 2015. - 23.07. - Mode of access: https://www.washingtonpost.com/world/middle_east/turkey-agrees-to-allow-us-military-to-use-its-base-to-attack-islamic-state/2015/07/23/317f23aa-3164-11e5-a879-213078d03dd3_story.html (Дата обращения - 02.08.2018).

Spencer R., Sanchez R. Turkish government co-operated with al-Qaeda in Syria, says former US ambassador // Telegraph. - L., 2014. - 12.09. - Mode of access: <http://www.telegraph.co.uk/news/worldnews/europe/turkey/11093478/Turkish-government-co-operated-with-al-Qaeda-in-Syria-says-former-US-ambassador.html> (Дата обращения - 02.08.2018).

Suriye'de 10 noktada PKK/PYD'ye ABD desteği // Anadolu Ajansı. - Istanbul, 2017. - 17.07. - Mode of access: <https://www.aa.com.tr/tr/dunya/suriyede-10-noktada-pkk-pydye-abd-destegi/863161> (Дата обращения - 02.08.2018).

Tanış T. Turkish President Erdoğan slams New York Times over ISIL story // Hürriyet daily news. - Istanbul, 2014. - 17.09. - Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/turkish-president-erdogan-slams-new-york-times-over-isis-story-71822> (Дата обращения - 02.08.2018).

Taştekin F. Sınırsız sınır... // Radikal. - Istanbul, 2014. - 13.09. - Mode of access: <http://www.radikal.com.tr/yazarlar/fehim-tastekin/sinirsiz-sinir-1212462/> (Дата обращения - 02.08.2018).

Taştekin F. Turkish military says MIT shipped weapons to al-Qaeda // Al-Monitor. - Wash., D.C., 2015. - 15.01. - Mode of access: <https://web.archive.org/web/20150131180334/http://www.al-monitor.com/pulse/originals/2015/01/turkey-syria-intelligence-service-shipping-weapons.html> (Дата обращения - 02.08.2018).

Telhami S. Annual Arab public opinion survey 2011 / Brookings Institution; Univ. of Maryland. - Wash., D.C., 2011. - 58 p. - Mode of access: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2016/06/1121_arab_public_opinion.pdf (Дата обращения - 02.08.2018).

Tharoor I. Exclusive: TIME meets Turkish Prime Minister Recep Tayyip Erdogan // TIME. – N.Y., 2011. – 26.09. – Mode of access: <http://world.time.com/2011/09/26/exclusive-time-meets-turkish-prime-minister-recep-tayyip-erdogan/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Tharoor I. A US-designated terrorist group is saving Yazidis and battling the Islamic State // Washington Post. – Wash., D.C., 2014. – 11.08. – Mode of access: <https://www.washingtonpost.com/news/worldviews/wp/2014/08/11/a-u-s-designated-terrorist-group-is-saving-yazidis-and-battling-the-islamic-state/> (Дата обращения – 02.08.2018).

The Islamic State in Iraq and the Levant and the Al-Nusrah Front for the People of the Levant: Report and recommendations submitted pursuant to resolution 2170 (2014) / UN. Security Council. – N.Y., 2014. – 14.11. – Mode of access: http://www.un.org/en/ga/search/view_doc.asp?symbol=S/2014/815 (Дата обращения – 02.08.2018).

The Turkish model: A hard act to follow // Economist. – L., 2011. – 06.08. – Mode of access: <https://www.economist.com/node/21525408> (Дата обращения – 02.08.2018).

Tirman J. Improving Turkey's «bad neighborhood»: Pressing Ankara for rights and democracy // World policy j. – N.Y., 1998. – Vol. 15, Issue 1. – P. 60-67.

Turan O. El Kaide'ye karşı en çok operasyon Türkiye'den // Yeni şafak. – Istanbul, 2010. – 09.10. – Mode of access: <http://www.yenisafak.com/gundem/el-kaideye-karsi-en-cok-operasyon-turkiyeden-282302> (Дата обращения – 02.08.2018).

Turkey upsets US military plans // BBC. – L., 2003. – 01.03. – Mode of access: <http://news.bbc.co.uk/2/hi/europe/2810133.stm> (Дата обращения – 02.08.2018).

Ülgen S. From inspiration to aspiration: Turkey in the New Middle East / Carnegie endowment for international peace. – Wash., D.C., 2011. – 42 p. – Mode of access: http://carnegieendowment.org/files/Turkey_Mid_East_Full_Text.pdf (Дата обращения – 02.08.2018).

Uslu E. El Kaide, İHH, TIR vs. // Taraf. – Istanbul, 2014 a. – 15.01.

Uslu E. Has Turkey helped ISIS? // Today's Zaman. – Istanbul, 2014 b. – 31.08.

US soldiers with YPG insignias unacceptable, says Turkish FM // Hürriyet daily news. – Istanbul, 2016. – 27.05. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/us-soldiers-with-ypg-insignias-unacceptable-says-turkish-fm-99734> (Дата обращения – 02.08.2018).

US-Turkey relationships: A new partnership / Albright M.K., Hadley S., Cook S.A., Sabbagh H.J. // Turkish Forum English. – N.Y., 2012. – 14.05. –

Mode of access: <https://www.turkishnews.com/en/content/2012/05/14/u-s-turkey-relations-a-new-partnership/> (Дата обращения – 02.08.2018).

Valentino P. Obama says Turkey should be full member of Europe // Corriere della Sera. – Rome, 2010. – 08.07. – Mode of access: <http://www.corriere.it/International/english/articoli/2010/07/08/Barack-Obama-exclusi-ve-interview-Corriere-della-Sera.shtml> (Дата обращения – 02.08.2018).

Winrow G. Turkey in post-Soviet Central Asia / Royal institute of international affairs. – L., 1995. – 54 p.

Wolfowitz: Accept your mistake, our partnership shall continue // Hürriyet daily news. – Istanbul, 2003. – 07.05. – Mode of access: <http://www.hurriyet.com.tr/wolfowitz-accept-your-mistake-our-partnership-shall-continue-145127> (Дата обращения – 02.08.2018).

Yavuz U.G., Yildirim N. International police cooperation on counter terrorism (CT) in Turkey / UN. Counter-terrorism implementation task force. – N.Y., 2010. – 14 p. – Mode of access: http://www.un.org/en/terrorism/ctitf/pdfs/central_asia_turkey.pdf (Дата обращения – 02.08.2018).

Yetkin M. The Manbij timeline: Call it a coincidence // Hurriyet daily news. – Istanbul, 2016. – 15.08. – Mode of access: <http://www.hurriyetdailynews.com/opinion/murat-yetkin/the-manbij-timeline-call-it-a-coincidence-102842> (Дата обращения – 02.08.2018).

Zakaria F. Inside Obama's world: The President talks to TIME about the changing nature of American power // TIME. – N.Y., 2012. – 19.01. – Mode of access: <http://swampland.time.com/2012/01/19/inside-obamas-world-the-president-talks-to-time-about-the-changing-nature-of-american-power/> (Дата обращения – 02.08.2018).